

ПУТЬ К ЗРЕЛОСТИ

ГЛАВНОЙ, СКВОЗНОЙ темой в книге вологодского поэта Виктора Коротаяева «Жребий»* является тема возмужания, прихода зрелости. Образ осени, то тревожащий, то грустный, то бодрящий, подчеркнута преобладает в пейзаже; и весь душевный мир «лирического героя» поглощен переживанием этого драматического и вечно нового перехода в иную фазу человеческой жизни:

Нету мне прежней свободы.
Как приговор, признаю.
Вот и осенние воды
Хлынули в душу мою.
Нет, не грядущая старость,
Просто полгода подряд,
С неба от ветра срываясь,
Звезды под сердцем кипят,
Просто у самого края
Гнутса над речкой стволы,
Стуком глухим укрепляя
Чувство моей кабалы.
И, прибавляя печали,
Мелко дрожа в полусне,
Худенький мальчик
Ночами
Плачет сиротски по мне.

Память о детстве еще свежа в душе, еще помнится ничем не омраченная радость бытия. «О, жизнь, отдай другим мое прозренье, верни мне те счастливые глаза», — восклицает поэт. Но жизнь необратима, и он чувствует, как прежняя «свобода» сменяется какой-то всеобщей «несвободой», чувством зависимости от всего мира: «Стал я всецело зависим от приумолкших лачуг, от облетающих листьев и завывающих вьюг». Душа его расширяется, впуская в себя тревогу мира, боль и ответственность за него, чувство связи с ним: «Я в почву, как в дерево, врос. И, словно подавшись из кочек, земная скрипучая ось прошла через мой позвоночник». Беспечная доверчивость уходит; в жизни и людях начинает ощущаться не только добро, но и зло; но это чувство находит естественное разрешение не в ненависти и жажде мести, а лишь усиливает боль и тревогу за людей:

А я в порыве мстить клянусь
И различаю сквозь усталость:
Остались в сердце боль и грусть,
А злости
Снова не осталось.
И поднимается в крови,
Как озимь, молодо и густо,
Всепобеждающей любви
Всепоглощающее чувство.

Большая любовь к людям, большая связь с миром всегда считались основой подлинного счастья; но у В. Коротаяева здесь преобладают беспокойство, грусть и

даже какое-то смятение, словно внезапно наступившая зрелость застала его душу врасплох. Он не сомневается в истинности и правоте тех новых горизонтов, новых нравственных обязательств, которые пришли в его жизнь и поэзию; но он с горестью чувствует свою неготовность к этому новому и большому. Как в пушкинской «Элегии», поэт угнетает «угасшее веселье юных дней», оно для него сейчас «тяжело, как смутное похмелье». Его мучит в прошлом «непродолжительность страстей, необязательность свиданий». Он с болью сознается в том, что рассчитался до сих пор лишь в «малых долгах», «самый большой» же «запустил». И он не чувствует все еще в себе достаточных нравственных и духовных сил, чтобы однажды и навсегда, как герон Толстого, «повернуть» свою жизнь, взойти на новую ступень. «...Жить, как я жил, не хочу, а так, как хочу, не умею», — жалуется он. Весь мир превращается для поэта в некую «воплощенную укоризну», упрек в лени, низости и жестокости, предупреждение о том, что он может «не состояться», побуждение к духовному деянию. Возникает обобщенный образ совести — обманутой и опозоренной девочки, запертой в чулане; этот восходящий к Достоевскому образ выражает остроту самонедовольства и самоосуждения поэта.

С этим чувством неразрывно связан у В. Коротаяева образ родины; «Так ли мы родину любим? Все ли себя бережем?» — спрашивает он в стихотворении, посвященном памяти Александра Яшина. В «Жребии» образ родины воплощен в родной природе; перед нею поэт кается в душевной глухоте и жестокости (его мучат души загубленных им деревьев); в ней же ищет он утешения и очищения. В другой книге поэта — «Липовица»*, близкой по настроению первому сборнику, на первый план выдвигается ставший уже традиционным в молодой поэзии второй половины 60-х годов образ «страны детства» — родной деревни.

Деревенская тема у В. Коротаяева, как и многих его сверстников, сейчас наиболее значительна в социальном и гражданском плане. Для него это прежде всего связано с предельной конкретизацией чувства родины, которую он прежде, по собственному признанию, любил слишком «тщеславно и неумно», слишком, так сказать, официозно. Родная северная деревня для поэта конкретно и просто воплощает нелегкую судьбу, самоотверженный подвиг русского народа. Это чувство выражено в лирической поэме «Липовица».

В грусти поэта по уходящей старой деревне нет мятежной ноты, протеста; он понимает необратимость времени; и, хотя, по-

* В. Коротаяев. Жребий. Стихи. Советский писатель, М., 1969.

* В. Коротаяев. Липовица. Стихи. Северо-Западное книжное издательство, 1969 г.

добно другим, воспринимает общение с деревней как нравственное очищение, как приобщение к чему-то «святому», все же чувствует, что принадлежит не прошлому, а настоящему. Он принимает правоту исторического прогресса, отодвигающего в прошлое милую его сердцу деревенскую Русь — но только не как «индальгенцию» собственной совести, освобождение от памяти о прошлом и ответственности перед ним. И это — тоже признак наступающей духовной зрелости; нельзя забывать о прошлом своего народа, о собственных «корнях и истоках»; в этом кроется опасность нравственного опустошения, упадка:

Нельзя, чтоб затянуло память мглою.

Смотрите, жутко будет в кой-то час

Родством гордиться с дедовской землей,

Когда она совсем забудет вас.

Приближающаяся зрелость все более осознается поэтом как нарастающее чувство гражданской ответственности — за родину, за поэзию, за судьбу народа, за людей. Об этом говорит цикл стихов, посвященный военной службе, к сожалению, менее удачный в поэтическом отношении; об этом говорят и циклы любовной лирики, присутствующие в обеих книгах; юное легкомыслие, раскованность чувства уступают место раздумью, строгому нравственному суду над собой, потребности доверия любимому человеку, ответственности за свое счастье...

В книгах В. Коротаяева точно и искренне отражено типичное для многих современных молодых поэтов состояние: осознаются подлинные — высокие, священные цели поэзии, требующие полной самоотдачи, чистой души, нравственной высоты... Осознание цели, однако, не есть еще ее достижение; и В. Коротаяев здесь также не является исключением. Перед лицом открывшихся ему истин он как-то излишне многословен; он торопится еще и еще раз их сформулировать, декларировать — искренне, часто эффектно, но в то же время слишком монотонно. Сборник «Жребий», например, напоминает затянущееся вступление куда-то; декларация, еще декларация, аллегория, иносказание — все об одном и том же. Создается впечатление, что автор порой как бы эксплуатирует поэтически собственное самонедовольство и самоосуждение; верный признак того, что подлинная зрелость и

нравственная высота еще не «настала» в его поэзии...

Вообще декларация в поэтических книгах В. Коротаяева занимает слишком значительное место; это происходит в ущерб живым краскам и проблемам действительности. Мне думается, поэт по роду своего поэтического дарования не является мыслителем, философом в первую очередь. «Липовица» показывает его не раскрывшиеся еще до конца возможности в жанре лирической поэмы. У В. Коротаяева верный глаз и слух; особенно точно и метко он улавливает реплику современной городской и сельской разговорной речи, что-нибудь вроде «пора цеплять к закуске паровоз» или «ты что их заобсматривал, как девок?» Он смело вводит современное просторечие в авторскую речь, например, в это шутивное стихотворение, посвященное собственным творческим неполадкам:

Нехорошо, ребята, вышло.

Двумя фужерами всего

В такой сезон

Сломали дышло

У тарантаса моего.

Вы ж знали — я не из матросов:

Плесни на каменку чуток —

И я на пять часов философ,

А на неделю не ездок.

Пегаско стал тянуть поплоче,

За лето выбился из сил.

Уж я в подмогу нынче лошадь

У председателя просил.

Подлинные поэтические удачи приходят к В. Коротаяеву тогда, когда это живое, энергичное, грубоватое ощущение жизни и языка согревается изнутри задушевной лирической волной. Именно так написано наиболее удачное, на мой взгляд, стихотворение — «На сенокосе», где картина озорного буйства молодых сил постепенно окрашивается элегической грустью об уходящей жизни...

Поэту сейчас следует пожелать большей требовательности к своим стихам, более строгого и взыскательного отбора их в поэтические сборники. Это необходимо для того, чтобы наступающая в его жизни зрелость стала эстетическим и нравственным качеством его поэзии.

В. ПЕРЦОВСКИЙ.